

М. А. Ростовцев.

В старой оперетте центр театральности лежал в эмоциях, пусть неглубоких, а в местах комических, действительно, был полный звонкий смех и хлесткое остроумие. Оперетта еще удерживалась от вырождения и в фарсе, и комедию, но и оперой стать она не хотела. Стил подлинной оперетты покорился на актере. Режиссура была скромна в век расцвета оперетты и ярко блистало творчество актера, изобретательного, откликавшегося на злободневность.

Вот в эту эпоху рос и совершенствовался в своем искусстве М. А. Ростовцев, тридцатипятилетие сценической деятельности которого отмечается завтра Малым оперным театром.

Начав «мальчиком-танпором» в «малороссийской труппе», перейдя затем на амплуа «простаков» у них же, Ростовцев впоследствии шесть лет посвятил эстраде, где развил и заострил в себе данные солиста. Ведь минута времени на сцене для актера это — вечность, это — жуткая пустота, которую актеру надо уметь заполнить игрой на глазах толпы, такой жестокой по отношению к бездарности, пившей отчаяние привлечь на себя внимание зрительного зала. В этом именно смысле эстрада — сильная школа для солиста.

С поступлением в актеры началась новая эпоха в жизни Ростовцева. Работая преимущественно в Малом оперном театре, Ростовцев выступал также в опере, где очень удачно спел Бартоло («Севильский цирюльник»), а в акдраме участвовал в «Фавне», «Лизистрате», «Авантюристе», «Мандате».

В чем разгадка этих удач? Прежде всего — труд. Большой, вдумчивый и детализированный труд, долгий, упорный, в течение 35 лет, за которые он не знал и месяца отдыха, прерыва. Второе — отличная высокохудожественная пройденная школа, которая выработала в нем блестящее мастерство. И наконец — личные свойства и данные артиста. Его маленький рост (такая это помеха для многих актеров) — Ростовцеву на помощь. Уже одно появление на сцене этой характерной фигуры вызывает улыбку.

Е. СМОЛИЦ